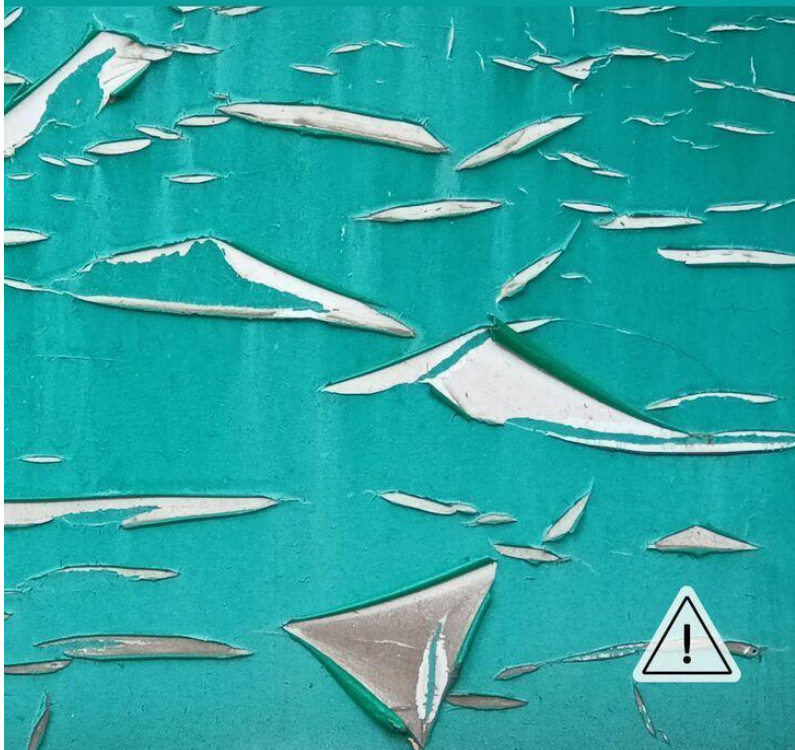

18+

Елена Ликанова

Человек

Елена Ликанова

ЧеловеЙник

<https://litres.ru/74249348>

ISBN 9785007038508

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Сборник рассказов о жителях большого города, моих родных и друзей, а также — случайных знакомых, у каждого из которых есть своя уникальная история.

Содержание

Вместо предисловия	5
Вид из окна	7
День в тональности фасоль-диез минор	16
Я играю на гармошке	22
Не жди меня	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Человейник

Елена Ликанова

© Елена Ликанова, 2026

ISBN 978-5-0070-3850-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Здравствуйте. Я — обыкновенный человек, затерявшийся в многомиллионном городе среди таких же обыкновенных людей, житель так называемого «человеяника», как прозвали в наше время новостройки. Я обыкновенный человек, но ежедневно со мной происходят необыкновенные события. А, может быть, я просто считаю их таковыми. Судите сами.

На днях водила сына в стоматологию. Затолкала в кабинет, сижу в коридоре, кроссворд разгадываю. Заходит женщина и сразу с порога: «О! Здравствуйте! Как ваши дела?» «Ну всё, — думаю, — сбылось предупреждение лучшей подруги, что если не брошу пить, то проснусь однажды — и никого не узнаю». «Как мама ваша поживает? — продолжает, между тем, щебетать женщина, — Она ведь жива-здорова?» «Нет, — отвечаю, — уже шесть лет, как умерла». «Ах ты, ну надо же! — всплёскивает руками странная незнакомка, — Я вот так и подумала. А мужчина тот, такой интеллигентный, с бородкой, наверное, тоже...?» «Да, — отвечаю, всё больше недоумеваю, — полтора года назад друг мой скончался, Александр Андреевич». «Ясно, — снижает ещё больше женщина, — у меня всегда именно такие предчувствия, когда человека долго не вижу». «Где не видите? Мы с вами знакомы? Встречались?» — всерьёз забеспокоилась я по поводу своей амнезии. «Ну как сказать — знакомы, я с вами — да,

а вы со мной — нет. Я кассиром работаю на железнодорожной станции. То есть — работала. Вы с мамой оттуда на дачу ездили, наверное, да?» «Да. А с дядей Сашей — в город по делам. И вы что, всех вот так, как нас, помните?» «Да, конечно! Всех, кто из нашего района. Но я ушла с этой работы три года назад. Не могу больше — вот так привыкаешь к людям, они уже тебе как близкие и родные становятся, и вдруг потом — раз, и исчезают. И, как ни обманывай себя, совершенно ясно — куда. Такая нервная работа!» Тут женщину в кабинет ко врачу пригласили. «Удачи вам, — говорю, — как зовут-то вас?» «Ида». Редкая женщина с редким именем.

Вид из окна

Ли́ка проснулась и сладко потянулась. Она специально поставила кровать так, чтобы лежать лицом к большому окну. Первые лучи солнца пощекотали ей нос через щёлку между занавесками. Первыми лучи были не только этим утром, но и за долгие месяцы затянувшейся аж до середины апреля зимы. «Сейчас выпью кофе и начну заниматься разными приятными делами», — подумала Ли́ка, улыбнувшись солнцу в ответ. Приятными делами она считала всё, что ей доводилось делать в течение дня. Она встала, сходила на кухню поставить чайник на плиту и, вернувшись, раздвинула занавески. В голове ещё барахтались остатки сна. Это было что-то волшебное. Сон не запомнился, но ощущение полёта осталось.

Ли́ка жила в новостройке, куда они с сыном переехали четыре года назад. Корпуса́ дома были слеплены между собой, образуя букву П, ограждавшую собою большой благоустроенный двор. Квартира находилась в торце, прямо посередине «буквы», так что Ли́ка видела и слышала всё, что происходило во дворе под окнами. Но это её не беспокоило. Наоборот, она считала это дополнительным подарком. «Хорошо, что не стала спорить с сыном и согласилась на третий этаж», — подумала она. Ведь поначалу ей, жившей всю жизнь в пятиэтажке, представлялось романтичным по-

селиться высоко под облаками и обозревать по утрам городской пейзаж. Но, как-то, спустя год после переезда, она заглянула в гости к соседке, обитавшей на двадцать четвёртом этаже. Выйдя на балкон, Лика ощутила жуткое головокружение. Вокруг простиралась каменная пустыня с редкими золотыми проблесками куполов церквей, а внизу копошились маленькие человечки, которым не было до неё никакого дела, и которые бы её в случае чего не увидели и не услышали. «В случае чего?» — она не успела додумать эту мысль, вынырнув из воспоминаний, потому что услышала с кухни тоненький протяжный свист и поняла, что надо снять чайник с плиты. Вселенная, между тем, услужливо дорисовала картину, и когда Лика вернулась с кухни и снова посмотрела в окно, её взгляд упал на боковую часть дома, где на уровне двенадцатого этажа на внешней стороне лоджии кто-то стоял. Лика замерла на секунду, потом схватила очки, нацепила на нос и присмотрелась повнимательнее. Судя по всему, это была женщина. Лика смогла разглядеть только розовую куртку и длинные светлые волосы. Женщина держалась снаружи буквально на честном слове, и непонятно было, хочет она спрыгнуть или залезть обратно. Ясно было одно — ей нужна помощь. Во дворе никого не было. Раннее утро, выходной день. Позвонив в службу спасения и описав ситуацию, Лика набрала ещё один номер.

Ангелина в то утро проснулась не в столь приятном расположении духа, как Лика. Её зять умер полгода назад, и дочь

с тех пор ходила вся чёрная от горя. Детей у них не было. Сама Ангелина как-то держалась. В свои восемьдесят шесть она была ещё хоть куда. И в другие, не столь тяжёлые времена, любила в тёплую погоду, нарядившись в красивое платье, сделав причёску и макияж и вооружившись лыжными палками, чтобы держаться устойчиво и величаво, выйти во двор на прогулку. Там она однажды и познакомилась с Ликой, в те времена, когда та, после перелома ноги, выгуливала себя какое-то время исключительно во дворе. «Ты куда? — спросила Ангелина свою дочку со странным именем Неонила, — Шесть часов утра». Ангелина всю жизнь проработала библиотекарем и питала любовь к старинным именам. Жертвой этого увлечения стала и бедная Нила.

«Схожу в парк на пробежку. Надо как-то выбираться из депрессии, сколько можно?» Ответ Неонила обрадовал Ангелину. И хотя она в последние дни расхворалась (спину прострелило) и с трудом вставала с постели, она одобрила затею дочери.

Дверь захлопнулась, ключ повернулся в замке. Ангелина стала потихоньку ворочаться в постели, готовя себя к тому, чтобы встать и пойти на кухню. Она, в отличие от Лики, пила по утрам не кофе, а душистый травяной чай. Но не успела она сесть в кровати, как тихо зажужжал мобильный, который лежал на тумбочке и ещё не был включён на полный звук. «Алло! Ликочка! Здравствуйте. Как ваши дела? Я только вчера перечитывала ваши стихи. Эта книжка у

меня вообще настольная в последнее время. Что вы говорите?» «Ангелина, — перебила её Лика, — вы только не волнуйтесь. Вы ведь в третьем подъезде живёте?» «Да, а что?» «А этаж какой?» «Тринадцатый, — отвечала ничего не понимающая Ангелина, — это наше любимое с Нилочкой число, мы ещё всегда смеёмся, что никто не любит его, бояться, а мы совсем не...» «Не суеверные, да, я помню, — договорила за неё быстро Лика, — Ангелина, вы можете попросить дочку пойти сейчас на двенадцатый этаж, туда, где выход на лестницу, и посмотреть, что там происходит? Там, кажется, снаружи на лоджии женщина стоит. А я сейчас к вам приду. Какой у вас код подъезда?» «Ну надо же! — ахает Ангелина, назвав комбинацию цифр кодового замка, — А Нилочка как раз не дома, а на пробежке. Но она, наверное, ещё не так далеко ушла, сейчас я ей позвоню, и она вернётся. Ну ты подумай! Что творится! Полнолуние, что ли, так действует?» Закончив разговор, она набрала номер дочери. Телефон ото звался в коридоре. Забыла дома. Всё одно к одному.

Ангелина усилием воли поднялась, села на край постели и всунула ноги в тапки. Накинула висевший на спинке стула халат и взяла в руки лыжные палки, которые стояли тут же прислонёнными к стене. Поднялась и потихоньку стала продвигаться к двери.

Лариса стояла на узкой окантовке лоджии, которая пристроена к площадке, соединяющей лестницу и выход к лифтам. В её постепенно проветривающейся от хмеля голове не

было никаких мыслей, только какое-то недоумение от абсурдности ситуации. Такое было с ней один раз, когда она, будучи студенткой, махнула с однокурсницами в Крым. Они тогда пешком исходили всё побережье. И в одном месте, высоко над морем, была очень узкая тропинка, даже не тропинка, а вот такая, вроде этой, на лоджии, окантовка, по которой надо было пройти буквально пять или шесть шагов. Можно было, конечно, спуститься и проплыть эти несколько метров, держа одежду и другие вещи над головой. Но большинство рисковали и шли по узкой кромке. Лариса пошла второй после того, как самая смелая из их троицы, Люда, проделала этот путь «на ура». Лариса тоже очень бодро начала продвигаться вдоль стенки, аккуратно перебирая ногами. И вдруг замерла. И поняла, что не может сделать ни шагу ни вперёд, ни назад. Неизвестно, сколько бы она так простояла на этой скале, потому что никакие советы, крики и уговоры не могли вывести её из ступора, если бы не один мужчина, который подошёл к ней вплотную, обхватил и буквально втащил на противоположную сторону. До сих пор она мучается догадками, как он это сделал, потому что места на этом уступе хватало с трудом даже для неё одной. Она даже решила, что это был Ангел-хранитель, который прилетел по воздуху, потому что мужчина так быстро исчез под её благодарные бормотания, что, когда она отошла от шока, его и след простыл. Как бы он пригодился ей теперь, этот Ангел. Но его рядом не было. Никого не было. И она снова стояла над пропастью,

только внизу не плескалось море, а зеленел первой пробивающейся травой газон.

Вдруг она услышала какое-то цоканье по плитке пола. Каблуки? Внезапно дверь приоткрылась, и на площадку, вместо красоти в туфлях на высоких каблуках, с невероятными усилиями протиснулась Ангелина, перебирая своими лыжными палками.

«Здравствуйте, — не зная, как начать беседу, сказала вежливо Ангелина, переводя дух, — хорошая погода сегодня, не правда ли?»

«У вас, наверное, что-то случилось. Что-то ужасное. Умер кто-то близкий, — продолжила она, поскольку, Лариса молчала, только с удивлением смотрела на эту странноватую пожилую даму в розовом кружевном халате и с лыжными палками в руках, — Как я вас понимаю! У меня недавно зять умер. Вы знаете, мы с ним совсем не ладили. Ругались даже очень часто. И он выпивал. Ну, не так, чтобы очень. Но вы же знаете, как много шутят на тему отношений тёщи с зятем. Вот и Лика, вы её увидите, это моя знакомая, она сейчас придёт сюда, она говорит, что единственной причиной серёжиного пьянства является то, что он живёт со мной в одной квартире. Жил. Вот так шутили-шутили и не знали, что он был серьёзно болен и таким образом немного утихомиривал невыносимую боль». Лариса по-прежнему молчала. Но внимательно слушала странную женщину, которая зачем-то пришла и разговаривала с ней, никому не нужной

заблудшей душой, зависшей между небом и землёй, между жизнью и смертью. «Да что там говорить, — погружалась, между тем, всё глубже в рассуждения Ангелина, — любая потеря невыносима. Будь то родственник, друг или просто знакомый. Даже сосед. Да вот кот даже. У знакомой моей, Лики, той, про которую я вам только что говорила, у неё летом умер кот. Уж как она убивалась. А ведь он прожил очень долгую жизнь, был стариком уже по нашим меркам. Но разве это может как-то утешить? И ведь, не человек, вроде бы. Но тоже ведь член семьи». Говоря это, Ангелина постепенно подходила ближе, и, в итоге, оказалась почти лицом к лицу с Ларисой. «Что-то, устала я, прислонюсь-ка тут, — сказала Ангелина, поставив палки и опершись на край лоджии, — спину на днях прострелило, просто, беда. В нашем дворе такие сквозняки. Вам, кстати, там не дует? Очень здесь ветер злющий. Правда, вы в куртке. А Неонила моя пошла вся нараспашку, в тонюсенькой олимпийке. Или как это у вас теперь называется?» «Толстовка, — отозвалась глухо Лариса, у которой, кажется, внезапно расцепилась внутри какая-то скрепка, до этого державшая в съёженном состоянии сердце, — помогите мне, пожалуйста, залезть обратно». Ангелина охотно подала ей руку и, попытавшись вытащить, дёрнула из последних сил так, что они обе, в итоге, оказались на полу. Сидя прислонившись к стенке лоджии, они обе тяжело дышали. «Неонила — это вы дочку так называли?» — усмехнулась Лариса, неестественно скривив губы, как будто их свело

судорогой. «Да, — гордо ответила Ангелина, — но в узком семейном кругу я называю её Нила». «Смешно, — хохотнула было Лариса и вдруг горько разрыдалась, — а мою девочку Катенькой звали. Вчера схоронила. Никого у меня нету больше на этом свете. Никогошеньки. Как дальше жить?» «Ну как так, — никого, — всхлипнула ей вослед и Ангелина, — я вот есть, соседка ваша, Ангелина меня зовут, будем знакомы. Ещё и Лика у нас есть, я вам про неё говорила, она прийти должна была ещё десять минут назад. Ну, от неё чего ждать? Вечно у неё всё шиворот-навыворот. Зато, она стихи хорошие пишет. Я некоторые даже наизусть помню. Хотите я вам прочитаю?

«Всё не напрасно», — тихо шепчет ветер,
Погладивший меня по волосам.
Нет, не напрасно Солнце на рассвете
Так нежно обнимает Небеса!
Поют цветы мне, вянущей без ласки,
Что не напрасно мы свой крест несём.
А ночь во снах рассказывает сказки,
Что не напрасно, не напрасно всё.

Если бы это было кино, то мы бы с вами увидели, как медленно отъезжает камера, и уменьшаются две фигуры женщин, сидящих на лоджии на двенадцатом этаже дома, одна из которых, запахнувшись в кружевной халат и грациозно жестикулируя, читает стихи, а внизу мы видим мечущуюся у

подъезда Лику, которой Ангелина дала неправильный код, и она теперь не может попасть в подъезд, а ещё мы видим машину спасателей, которые уже успели вытащить выдвижную лестницу, натянуть тент и суетятся вокруг, и собирающуюся постепенно поблизости от них толпу зевак, которые снимают всё происходящее на камеры мобильных телефонов, и детей, которые высыпали играть на детскую площадку, и алкоголиков Сашу и Лёшу, уже с утра распивающих свой шкалик с водкой, и огромную тётю Галю с малюсенькой собачкой Златой, и Рому-цоемана, разучившего одну-единственную песню «Перемен требуют наши сердца», вышедшего на улицу в обнимку с гитарой и с очередной красоткой... Жизнь продолжается.

День в тональности фасоль-диез минор

— Может, не будем её будить? Пусть уж спит до утра? — услышала Ли́ка сквозь сон голос Наташи, своей бывшей сокурсницы по художественному училищу.

— Нет уж, давай растолкаем её! Без неё тут точно не обошлось! Хотя..., есть у меня на примете ещё один подозреваемый. Но я ведь не сошла с ума, ты тоже видишь, что они не лежат на прежнем месте? — возмущённый голос Оли зазвенел следом.

Чтобы Оля, тоже в прошлом сокурсница Ли́ки, староста их группы, по натуре спокойная и плавная в речах и в движениях, так психовала? Ли́ка моментально разлепила глаза:

— Девчонки, привет! Как я рада вас видеть! Вы чего раскричались? Что-то потеряли ценное?

— Она их на пол, что ли, смахнула? — не ответив на приветствие, продолжила Оля диалог уже сама с собой, нервно перетряхивая вещи Ли́ки и осматривая подоконник, пока Наташка подошла обнять Лягушку-путешественницу.

— Каким ветром к нам? Хорошо, что мы ключ запасной на старом месте оставили. А нас после лекции немного задержали. Прикинь, Анна Львовна про греческие колонны рассказывает, и тут Васильчиков проснулся и как гаркнет:

«А арматура там была?» Мы так все со стульев от хохота и повалились! Ой, да ты в такой красоте! Покажись-ка.

Ли́ка встала и обняла Наташу. Одета она, и правда, была совсем не по-походному: в короткую юбочку и тонкую нарядную блузку. Хотя был конец мая, погода стояла не очень тёплая, и такой прикид был не по сезону. Но отъезд был спонтанным, и собраться как следует не удалось. Сейчас она всё девчонкам расскажет, поплачется в жилетку, и ей полегчает.

— Как вообще можно в такой подде́ргушке сейчас ходить? — Повертела Оля в руке ликину коротенькую курточку, которая была брошена рядом с рюкзачком на подоконник, — Все свои прелести отморозишь!

Мамка, как есть, мамка. Она всегда их опекала по-матерински, хотя была старше всего на год.

— Да куда же они подевались? — Оля продолжила искать на полу, опустившись на колени, что при её полноте было не так-то просто. Пошарила по всем щелям и, кряхтя, поднялась обратно. Лицо выражало неизбывную еврейскую грусть, а в больших карих глазах стояли слёзы. Шикарные каштановые волосы разметались по плечам. Княжна Тараканова в сырых застенках, да и только.

— Да что ты потеряла-то? — снова переспросила Ли́ка, — Погоди..., неужели..., те фасолины, что на подоконнике валялись?

— Ты их видела? Переложила? Где они?

— Я, — замялась Лика, чувствуя, что хоть она и не понимает пока, почему, но эти фасолины могут стать причиной гнева её близкой подруги, — я голодная была очень..., ещё с дороги, и понервничала... А что такого-то? — Лика искренне недоумевала, пока Наташка залилась неудержимым хохотом, а Оля обмерла, побледнев, а потом, хватая воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег штормом, зашлась криком:

— Ты! Да ты! Да как! Да что ж такое?! Да что ж за день сегодня такой?

— Ну, Лика, ты даёшь, а-ха-ха-ха-ха, — никак не могла успокоиться Наташка, — ты их съела, что ли, эти фасолины?

— Ну да, их и было-то всего несколько штук. Я же ничего поесть не взяла, пять часов в поезде, а у вас шаром покати, вот я и съела. Да что вам, жалко, что ли? Я вам завтра кило этой фасоли куплю!

Она искренне недоумевала.

Дело происходило на окраине Ярославля, в маленьком деревянном домике, который Оля и Наташка сняли после того, как поступили в ярославский театральный институт на художников-кукольников. Между прочим, именно Лика им этот домик нашла, пока они экзамены сдавали. Нашла, с хозяином насчёт цены сторговалась, выпросила, как печку топить, и где дрова покупать. В многоквартирных домах снимать жильё дорого, а общежитие только со второго курса положено. Вот и пришлось снять эту избушку возле конечной остановки трамвая.

Лика в задумчивости опустилаcь обратно на полати, иначе не назовёшь нижнюю часть некоего подобия деревянного двухэтажного сооружения, служившего Оле и Наташе кроватью.

Дружили девчонки уже много лет. После художественного училища Лика сразу поступила в московский институт на модельера, а Оля и Наташа нашли для себя нужный факультет только в Ярославле, в очень известном театральном вузе, между прочим. Поступить было нелегко. Ну Лика с ними за компанию и съездила. Чтобы поддержать. И вот теперь, из-за какой-то фасоли...

— Понимаешь, — присела с ней рядом и приобняла за плечи насмеявшаяся от души Наташа, — мы же тоже тут всё время голодные, стипендия маленькая, а расписные доски наши и прочие поделки не покупает никто, вот и решили, раз уж у нас домик с палисадником, можно посадить что-то. Картошку растим, но её одну целыми днями есть не будешь, вот Оля и попросила дядю, который у неё в Канаде живёт, прислать ей что-нибудь эдакое. Он и прислал..., специальную, крупную и быстро разрастающуюся, неприхотливую фасоль. Особый, стойкий к нашему климату, сорт. Очень редкий. Но теперь уже... Ладно, ты не бойся, ты же знаешь, Оля отходчивая. Сейчас картошечки сварим...

В этот момент в горницу зашёл вальяжный толстый серый кот. Он сладко потянулся и начал степенно умываться.

— Этот ещё! Васька, воровская твоя морда, глаза б мои

на тебя не глядели! — замахнулась на него не всерьёз, конечно, уже немного успокоившаяся Оля, — Селёдку сегодня со стола стащил и сожрал за домом, жулик! Придётся теперь пустую картошку лопать. Ну ничего, нам не привыкать, — и сама прыснула от смеха, взглянув на сжавшуюся в комок Лику, а потом переведя взгляд на опустевший подоконник, с которого вмиг испарилась её мечта о фасолевых плантациях, — весёленький денёк. Ну, ничего, будет другой.

— У меня тоже день был непростой, — начала было Лика, но её уже никто не слушал, вытащили из-под полатей тёплые носки, нашли платок вязаный, укутали её и потащили на кухню, картошку чистить, и взялись наперебой рассказывать про свои студенческие весёлые будни.

— Ну вот, Васька, слушай, — шептала Лика коту, который примостился с ней рядом на втором этаже кровати, когда ночью Оля и Наташа уже мирно сопели в обнимку внизу, — прихожу я, значит, в Строгановку, к Павлику. У него сегодня защита диплома была. Я нарядилась, локоны накрутила, глаза подкрасила, чудо, а не девушка, просто — картинка... Захожу такая принцесса к ним на факультет, а мой Павлик с какой-то мымрой обнимается. Я ему: «Привет!» а ей: «Здравствуйте, вы, наверное, та самая тётя Павлика с Сокола, у которой он часто ночевать остаётся, когда опаздывает на электричку в свои Подлипки». Ну это он мне так говорил. А она улыбается как-то странно и с Павликом переглядывается. Тут друг его, Тимур, меня за локоть хватает, та-

щит в сторону и шепчет: «Ты что, не знала? Это же пашкина невеста, Ирина, они после его защиты поженятся и сразу в свадебное путешествие в Крым...» Но я его дослушивать не стала, вырвалась и понеслась, куда глаза глядят. Ноги сами привели на вокзал, кинулась в кассу, рыдаю: «Дайте билет до Ярославля! Скорее!» Как раз объявили, что через десять минут отправление. А мне бы только куда-нибудь подальше. Хорошо, что поезд ближайший был именно в Ярославль, а то неизвестно, где бы я вообще очутилась. В кассу меня без очереди пропустили, наверное, решили, что у меня кто-то умер, а у меня хуже, я сама у меня умерла-а-а-ах (зевнула сладко Лика под урчание кота, с которым они сегодня так синхронно напортачили). Хорошо, всё-таки, что к девчонкам поехала, — пробормотала, уже совсем засыпая, поглаживая кота по мягкой тёплой спинке, — рассказала вот сейчас им всё, и сразу полегчало».

Я играю на гармошке

«Всё же, интересно, почему Вы сели именно здесь, — обратился со смехом юноша к девушке, — ведь вагон совершенно пустой. А на этой скамейке лежит мой журнал, как бы намекая, что место занято». «Вот именно, — смущённо подтвердила девушка, — вагон пустой, ехать страшно — вдруг, войдут какие-нибудь хулиганы?» «А меня Вы, значит, не боитесь?» «Понимаете, человек, который читает журнал „Театральная жизнь“, никак не может быть хулиганом». Дело происходило в последней электричке, ехавшей из пригорода в Москву. «Резонно, — рассмеялся юноша, — ну раз уж Вы мне доверили свою жизнь, давайте знакомиться. Меня зовут Леонид». «Галина», — протянула руку для рукопожатия девушка. «И откуда же Вы так поздно возвращаетесь? И почему Вас никто не провожает? Я вот был на вечеринке у друзей. Но оставаться не захотелось. Наверное, чувствовал, что Вас встречу». Галина молчала. Ей не хотелось рассказывать, что она была в гостях у поклонника, засиделась допоздна, мужчина предложил ей остаться, она отказалась, и тогда он разозлился и даже не проводил её на последнюю электричку. «Ладно-ладно, не хотите говорить — не надо, — заметив смущение девушки, перестал допытываться Леонид, — ну а кем Вы работаете хоть можете сказать, или это тоже государственная тайна?» «Я работаю..., — Галина замялась, —

маникюршей». «Ах вот оно что!» — разочарованно протянул Леонид. В то время была модной дискуссия физиков и лириков, а такие профессии, как маникюрша, считались ниже человеческого достоинства. На самом деле, Галина хотела проверить парня. Работала она в конструкторском бюро чертёжником. «Ну и ладно, — сказал парень чуть погодя, — я всё равно на Вас женюсь!» К тому времени он успел разглядеть девушку. Она была невероятно хороша собой — густые чёрные волосы, уложенные в замысловатую причёску, прелестные пухлые губы, чуть вздёрнутый носик и самое главное — огромные манящие тёмно-карие глаза. «Вы? Женитесь? На мне? — рассмеялась девушка, — Да Вам лет, наверное, шестнадцать? Вы ещё школьник, скорее всего». У Галины на тот момент уже был за плечами тяжёлый развод, и она одна растила пятилетнюю дочку. Галине было тридцать три года. «Да Вы что? — взвился Леонид, — Мне двадцать пять! Я студент театрального института. Просто, я выгляжу молодо! И учтите — я настроен серьёзно». «И Вас не смутит, что я уже была замужем, и у меня есть дочь?» «Познакомьте меня с ней. Уверен, я ей понравлюсь». «Всё-таки, странно, — подумала Галина, — что опять Леонид. Имя-то редкое». Её первого мужа звали Леонидом.

«Целуйтесь-целуйтесь, что вы там прячетесь?» — поглощая печенье и смотря мультики по телевизору, кинула через плечо Света, дочь Галины, когда через какое-то время Леонид оказался у них в гостях. Влюблённые рассмеялись.

Одобрение на отношения было получено.

Надо же, — думаю я, перемещаясь с утра по своим делам по суетливому городу-муравейнику, — ведь если бы не эта электричка, не эта случайная встреча, не это светкино одобрение отношений мамы и папы, меня бы на этом свете не было. Захожу в метро с этими мыслями, а там гармонист наигрывает знакомую с детства мелодию и поёт: «А я играю на гармошке у прохожих на виду. К сожаленью, день рожденья только раз в году».

Не жди меня

В армию Сашку провожали всей деревней. Добрый, открытый парень, он легко прижился и поладил с местными жителями, когда в двенадцать лет, после смерти матери, его забрала из города к себе мамина родная сестра. Своей семьёй Лида к тому времени ещё не обзавелась, хотя была старшей, вот и забрала клавкиных: Сашку и младшую, Люську. В деревне поначалу подшучивали над приезжими, которые одеты были по городскому фасону и в укладе сельской жизни ничего не смыслили: ни печку затопить не могли, ни дрова в поленницу сложить. А когда тётя Лида курицу ловила, чтобы к обеду сварить бульон отощавшим племяшкам, те горько рыдали, обнявшись, сидя в горнице. Но, со временем, соседи очень полюбили ребят, и быстро забылось то, что они не местные, так они пришлись всем по душе, когда они оттаяли после пережитого горя и перестали сторониться всех и каждого.

Курицу Сашка, и повзрослев, зарезать не взялся бы, парень он был из тех, про которых говорят «и мухи не обидит». Это, наверное, и привлекло в нём поначалу Таню, соседку, которая сразу стала расспрашивать тётю Лиду, надолго ли приехали родственники, и очень обрадовалась, что Саша останется до окончания школы, а, значит, будет учиться с ней вместе, только на класс старше. Покорила её его серьёз-

ность и обстоятельность. Ведь деревенские мальчишки больше носились да бедокурили, а Сашка книги читал — сказал, что после школы пойдёт учиться дальше. И ещё нравилось Тане, как Саша опекал свою младшую сестру. У неё самой ни братьев, ни сестёр не было. Собственно, из-за сестры Саше и пришлось по окончании школы, вопреки его планам, остаться в деревне, ведь Люська была ещё школьница, а тётя Лида не молодела, ей помощь по хозяйству нужна была. А тут и армейский призыв подоспел.

«Ты меня не дожидайся, — на полном серьёзе увещевал Таню Сашка, — за два года много воды утечёт» (даже не думал, говоря эти слова про воду, какими пророческими они окажутся).

Таня нравилась ему как друг, с ней можно было поговорить о многом таком, чего другие его сверстники и сверстницы не понимали, но влюблён в неё Сашка не был. «Правильно, не жди его, за меня выходи!» — рассмеялся лучший друг Сашки Лёня. Рассмеялся невесело, с горечью в голосе. Лёня в Таню был давно и горячо влюблён. Прямо чуть ли не с пелёнок. Дружили всё детство, но приехал из города Сашка, и сердце Тани навеки было отдано ему. Ребята, как ни странно, из-за этого «треугольника» не поссорились. Наоборот, сдружились. И часто их всех троих видели гуляющими по берегу речки или сидящими за околицей и ведущими беседы о том — о сём. Лёня сразу после школы пошёл учиться на ветеринара, пришлось переехать в райцентр, жить в

общежитии при училище, но он приезжал к родным и друзьям повидаться на выходные. Армия Лёне «не светила» из-за плохого зрения. И на его попечение, если так можно выразиться, оставлял Сашка сейчас их общую подругу. Таня жила со своим дедом, больше никого не было у неё из родни. Родители умерли, когда Таня была совсем маленькая, а братьев и сестёр, как уже говорилось, бог не дал. «Приглядывай за ней», — увещевал Лёню Сашка. Хотя, эти наставление и не нужны были. Лёня с Тани глаз не спускал. Его бы воля, он бы её в райцентр переманил учиться. Но она не могла оставить деда Мишу. Помогала ему по дому, хозяйством занималась. А сама для себя иногда рисовала. Больше всего любила рисовать пейзажи, свою родную деревню и её окрестности. «Учиться бы тебе надо, — кряхтел дед Михаил, глядя на танины рисунки, — а не со мной старым тут сидеть». Но Таня лишь улыбалась в ответ своей светлой улыбкой.

Почему Сашка вообще сказал это «не дожидайся», он и сам не знал. Ничего, кроме дружбы, между ним и Таней не было, разговоров никаких о чувствах они никогда не вели. Но, конечно, он догадывался, что ей не безразличен. Только ответить взаимностью не мог. Вот и ляпнул эти, ставшие роковыми, слова. Таня в ответ только тихонько тронула его за плечо: «Береги себя». На том и расстались.

В армии время бежало быстро, скучать было некогда. Сашка попал в часть, расположенную очень далеко от дома, занесло его аж на Дальний Восток. На границу с Японией,

в погранвойска. И он, парень смекалистый и упорный, там быстро обучился всему. В любую свободную минуту не отдыхал, а отправлялся в радио рубку постигать азы работы с передатчиками и другой техникой.

Письма домой писал регулярно, в них передавал приветы Лёне и Тане. Отдельно им писать не успевал. Лёне пару раз ответил, но потом захлестнула служба. От ребят же Саше исправно приходили письма с деревенскими новостями. Часто письмо было написано ими вдвоём, было забавно, но Сашка всегда понимал, когда пишет Таня, а когда у неё перехватывает листок Лёнька.

В то утро всё было как всегда — утреннее построение, завтрак, разные обычные занятия, а вечером раздавали почту, и пришло то самое письмо. Саша распечатал конверт, чтобы, как обычно, перед отбоем почитать «великие новости» деревенской жизни, развернул листок и обомлел. «Саша, я сегодня заходил к Тане, хотел показать ей репродукции художника Репина, которые купил в райцентре по случаю. Ну, она же в художественное всё собиралась, ты помнишь, — почему „собиралась“, мелькнуло попутно в голове у Саши, почему в прошедшем времени? — а деда Миша сказал, что она... Прости, не могу писать, переписываю в четвёртый раз. Он сказал, что она умерла. Я не поверил (зачёркнуто), я долго не мог понять, что произошло. Он сказал, что она утонула. Вчера её похоронили. Мне не смогли дозвониться в общежитие, и я только сегодня узнал. Лёня». Саша перечи-

тал несколько раз, прежде чем понял, что случилось. Спать он, конечно, теперь не сможет, первое, что возникло в голове: «Но она же хорошо плавала, даже нас с Лёнькой обгоняла». До дембеля оставалось всего два месяца.

Насколько быстро пролетели предыдущие почти что два года, настолько же медленно тянулись оставшиеся два месяца до дембеля. Дембельский альбом, отменение и всеобщее веселье — всё это прошло стороной, скользнуло мимо сознания Саши, отчётливо виделась только цель — приехать и разобраться, что же случилось. От станции до деревни шёл пешком через рощу, а потом по мостику через речку. Ту самую. Речка за два года обмелела, там и ребёнку утонуть сложно, а когда-то была глубже, и течение сильнее. Но они с Лёней и Таней столько раз переплывали её туда и обратно, что и сосчитать невозможно. Неужели, было что-то, что могло заставить Таню саму...? Саша остановился посередине мостика, закурил, облокотившись о перила, обратив внимание, что они в этом месте новые, и глянул вниз, где, всё ещё бурная, хоть и обмелевшая, речушка несла свои воды. Из-под моста выплыл сделанный из щепок плотик с кленовым листом вместо паруса. Они тоже в отрочестве вот так запускали кораблики по этим волнам. Что же произошло?

«Сашка! Вернулся! Я как чувствовала!» — со стороны деревни по мосту бежала его сестра Люська. Она была уже совсем взрослая девица с пышными формами. «Как ты выросла. Всего-то два года прошло!» — обнял её Сашка. «А ты

какой стал! — Люська с восхищением смотрела на возмужавшего за годы службы в армии брата, — Ты ведь знаешь, тебе Лёня написал про Таню?» — сразу спросила затем, потому что понимала, что не просто так Саша призадумался, остановившись тут, на мостике. «Да я бы сразу приехал, но ты же понимаешь, где находится Дальний Восток, географию учила?» «Учила, — сквозь печаль усмехнулась Люська, — да и что бы ты мог сделать?» «Разобраться, что случилось, хотя бы. Ладно, пошли домой», — и направился в сторону деревни.

Путь лежал мимо кладбища. «Сразу к ней пойдёшь?» — спросила Люська, понимая, что вопрос этот лишний. «Ты иди пока маму Лиду предупреди. Небось, побежит соседей созывать к столу», — махнул в сторону дома рукой Саша, сворачивая с тропинки. Похоронили Таню рядом с родителями, Саша знал, где их могила, вместе часто приходили сюда, где под клёном и пристроившейся рядом, словно обнявшей его, липой, лежала теперь и Таня. «Как же так? Как такое могло случиться?» — Саша в сотый раз задавался этим вопросом, но ответа не находил. «А ну пошёл отсюда, мерзавец! Такую девчонку угробил! Креста на тебе нет!» Саша едва увернулся от клюки, с которой, сколько себя помнит, видел деда Михаила. «Вы чего, деда Миша? Это же я, Сашка. В чём моя вина? Только в том, что не был рядом. Этого я себе никогда не прощу. Но как же так? Неужто, мосток был без ремонта, перила обрушились? Так она плавала хорошо.

Как всё вышло-то?» «Для всех — так оно и есть, перила подгнили, — вырвал резким движением из рук Саши дед Миша поднятую тем клюку, — а упала на камень головой, вот и не выплыла. Что ещё сказать людям? Что девка сама с моста из-за несчастной любви кинулась? И где бы тогда хоронить её? За оградой, как самоубийцу? Заслужила ли она такое? И стоило ли сохнуть по тебе, стервецу?» «Да не было у нас ничего, — смешался Саша, — да и не обещали мы ничего друг другу». «Да что с тобой говорить, — вздохнул тяжело дед Михаил, — Танюшку не вернёшь. Мой тебе совет — уезжай. Ты ведь хотел учиться. На артиста, я слыхал. Ну так и поезжай в город, артист. Эта работа как раз по тебе. Сильно ты врать горазд и личины менять. А ведь ты мне был почти как сын. Уезжай, на том и разойдёмся».

Несмотря Саша подходил к дому. Думал, там уже тётя Лида, которую он теперь уже называл мамой, соседей привела отмечать его возвращение. Не хотелось этого шума и гама, веселья разбитного, когда такое неизбывное горе тянет сердце. Боялся, что будут окликать по дороге, расспрашивать про службу, но, пока шёл по улице, заметил, что она какая-то зловеще пустая. Никто не выходил с ним поздороваться, а, наоборот, кто был во дворе, спешили уйти в дом, даже показалось, что кто в окно глядел, занавески задёргивали. Словно, он был незванным гостем в родной деревне. И, войдя в родной дом, увидел Саша, что никаких друзей и соседей там нету. Только мама Лида суежилась на кухне, а Люся собира-

ла на стол. «Приехал, Сашенька, сынок, — вышла из кухни Лида, — наконец-то. Я уж никого звать не стала, не придут. Уезжать тебе надо. Сегодня пораньше ложись, а завтра поутру поезжай в город». «Но почему? Я разобраться хочу». «Не надо тебе ни в чём разбираться. Садись, я вот собрала тебе поесть. Вернулся — и слава богу. Мама твоя рада была бы, что я вас вырастила. Вон какие вы большие да умные у меня. За Люсю не волнуйся. Она после выпускного подала документы в сельскохозяйственный, в райцентре, ей там место в общежитии дадут. А меня она по выходным навещать будет. Как Лёнька твой своих. Не дозвонились мы ему, видишь ты, как вышло», — и она утёрла слёзы украдкой.

С утра Саша пошёл к Фомичу в участок. «Ну, привет, бо-ец, — встретил тот его, вставая и протягивая широкую ладонь для рукопожатия, — что, не передумал в артисты идти? А то оставайся вместо меня, мне до пенсии полгода осталось. Сдам тебе все дела, — и на заслуженный отдых». «Иван Фомич, — не откладывая в долгий ящик, пустился в расспросы Сашка, — как так вышло, что Таня...» «Дело ясное, что дело тёмное», — крикнул Фомич, усаживаясь обратно в своё издававшее виды кресло. «Только вы мне не повторяйте сказку про подгнившие перила моста, вы же знаете, что я не поверю», — сразу предупредил Сашка. «Ну, ты без ножа меня режешь, — хмыкнул Фомич, — и зачем тебе всё это? Ехал бы в город, жизнь свою строил». «Не могу я вот так уехать, ни в чём не разобравшись. Тем более, я так понял, что меня

считают виновником всего произошедшего. А у нас и не было ничего, просто дружили». «Ну, там, где мы с тобой просто дружим, женщинам может совсем другое почудиться, — отвёл глаза в сторону Фомич, — начитаются романов любовных — и давай в воду кидаться». «Да не была Таня такая, не такой характер, да и...» «Помню, помню, — перебил Фомич, — не было между вами ничего. Но народ думает иначе. Так что, мой тебе совет...» «Уезжать, понял я, — вскочил Сашка и метнулся к двери, — я этот совет слышу уже третий раз кряду за два дня».

По дороге к дому Сашку обогнала на велосипеде почтальонша Ирка. «Привет, Ириш, — бросил Сашка привычное, — как дела?» Но Ирка сделала вид, что его не заметила, и понеслась дальше по дороге. «А ну стой! — догнал её Сашка и тормознул велосипед, — Может, хотя бы, ты мне объяснишь, почему вся деревня на меня косо смотрит? Что я такого сделал?» «Что сделал? Да я сама видела, как она плакала, когда читала твоё письмо!» «Моё письмо? — удивился Сашка, — Я ей отдельно писем и не писал, вроде. Только через маму Лиду приветы передавал, да им вместе с Лёнькой иногда отвечал, обоим сразу. Но я эти письма на адрес лёнькиного общежития отправлял. В райцентр и доходят ведь быстрее. Точно письмо было от меня?» «А от кого же? Я уж конверт видела, от тебя письмо. Да могла бы и не видеть, Таня его как выхватила, как зарделась вся. Аж подпрыгнула от радости. А после как начала читать, так с лица спала. И зарыда-

ла. Но это я уже из кустов видела, очень удачно у них напротив дома, на другой стороне улицы, сирень посажена. Что ты ей написал такого, что она с моста в реку кинулась? Бросил её беременную?» «Какую ещё беременную! Ну вы и любите насочинять, деревенские!» «Ну конечно, вам, городским, — не чета, вы всё правду говорите, а потом от этой правды люди себя жизни лишают. Вот и катись обратно в свой город, откуда тебя нелёгкая к нам принесла».

В город Сашку собирали Лида с Люськой. Он сидел и, как будто, в полусне, рассматривал немногочисленный фотографии, сделанные в школьные годы. Таня на них улыбалась своей неповторимой лучезарной улыбкой. «Да не могла она...» «Носки тёплые класть?» — прервала его тягостные мысли Люська. «Клади, что хочешь».

«А, может, назовём Анфисой? — прервала Сашины воспоминания его жена, Галина, недавно выписавшаяся из роддома с прелестной новорождённой девочкой, — В память о твоей жизни в деревне». И рассмеялась звонко. «Давай Таней назовём», — вышел ненадолго из задумчивости Саша. «Саш, ну ты что, ты, правда, хочешь дочери судьбу испортить? Это ведь в честь той девушки, да? Ты что, не понимаешь, что нельзя называть ребёнка в честь самоубийцы!» «Тогда называй как хочешь, мне всё равно! Ты, кажется, хотела назвать в честь сестры, Леной, ну, давай так и назовём! Пойдём прямо сейчас, так и запишем!» И он схватил пиджак

и выскочил за дверь.

Лена ехала в деревню впервые. Точнее, она когда-то была там, в младенчестве. Об этом ей рассказывала мама. Они приехали буквально на день, навестить папину тётю Лиду, которая вырастила его и была ему и его сестре Люсе вместо матери. Когда папа уехал в город и поступил в институт, а Люська выскочила замуж почти сразу после окончания школы, Лида тоже нашла своё счастье, её позвал замуж новый тракторист, которого прислали из области. У них родилась дочка, назвали Таней. Дочка была поздняя, больше детей Лиде Бог не дал. Зато, внуков уже шесть, и уже есть и правнуки. Семья Лиды разрастается как на дрожжах. Не иначе, как в награду за то, что всю молодость посвятила детям сестры. Хотя, казалось бы, как иначе поступить в такой ситуации? «Не знаю, смогла бы я так?» — размышляла Лена, пока электричка приближалась к станции. Своё имя она долгое время не любила. Мама часто рассказывала эту историю, про Таню, которая покончила с собой из-за безответной любви к отцу. И что он хотел её назвать в честь этой Тани, а когда мама отказалась наотрез, записал под случайным именем, которое первым в голову пришло. А самым распространённым в то время было имя Лена. Её и в семье никто Леной не звал, папа звал Лиля, Лилия, а мама — Ляля. Даже муж тоже Лялей звал. «А ведь это очень красивое имя — Елена. Обозначает „Факел“ в переводе с греческого. Почему же всё

так вышло? Я хочу разобраться!» — как будто, повторяя папины слова, прошептала Лена. И вышла на станции, откуда путь вёл к злополучной деревне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.